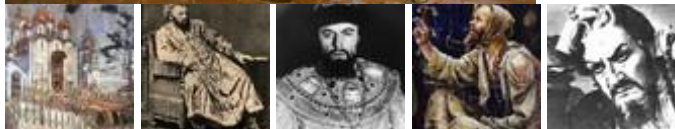

Борис Годунов

Опера в четырех действиях с прологом [Модеста Петровича Мусоргского](#) на либретто композитора, основанное на одноименной трагедии А.С.Пушкина, а также материалах «Истории государства Российского» Н.М.Карамзина.

Жанр: народная музыкальная драма.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

БОРИС ГОДУНОВ (баритон)

дети Бориса:

ФЕДОР (меццо-сопрано)

КСЕНИЯ (сопрано)

МАМКА КСЕНИИ (низкое меццо-сопрано)

КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ШУЙСКИЙ (тенор)

АНДРЕЙ ЩЕЛКАЛОВ, думный дьяк (баритон)

ПИМЕН, летописец, отшельник (бас)

САМОЗВАНЕЦ ПОД ИМЕНЕМ ГРИГОРИЯ (так в партитуре; правильно: Григорий, Самозванец под именем Дмитрия) (тенор)

МАРИНА МНИШЕК, дочь сандомирского воеводы (меццо-сопрано или драматическое сопрано)

РАНГОНИ, тайный иезуит (бас)

бродяги:

ВАРЛААМ (бас)

МИСАИЛ (тенор)

ХОЗЯЙКА КОРЧМЫ (меццо-сопрано)

ЮРОДИВЫЙ (тенор)

НИКИТИЧ, пристав (бас)
БЛИЖНИЙ БОЯРИН (тенор)
БОЯРИН ХРУШОВ (тенор)

иезуиты:

ЛАВИЦКИЙ (бас)
ЧЕРНИКОВСКИЙ (бас)

ГОЛОСА ИЗ НАРОДА, крестьяне и крестьянки (бас (Митюха), тенор, меццо-сопрано и сопрано)
БОЯРЕ, БОЯРСКИЕ ДЕТИ, СТРЕЛЬЦЫ, РЫНДЫ, ПРИСТАВЫ, ПАНЫ И ПАННЫ,
САНДОМИРСКИЕ ДЕВУШКИ, КАЛИКИ ПЕРЕХОЖИЕ, НАРОД МОСКОВСКИЙ.

Время действия: 1598 - 1605 годы.

Место действия: Москва, на литовской границе, в Сандомирском замке, под Кромами.

Первое исполнение: Санкт-Петербург, [Мариинский театр](#), 27 января (8 февраля) 1874 года.

ПРОЛОГ

Картина 1. Двор Новодевичьего монастыря под Москвою (теперь Новодевичий монастырь в черте Москвы). Ближе к зрителям выходные ворота в монастырской стене с башенкою. Оркестровое вступление рисует образ забитого, угнетенного народа. Занавес поднимается. Народ топчется на месте. Движения, как указывает ремарка автора, вялы. Пристав, грозя дубинкой, заставляет народ молить Бориса Годунова принять царский венец. Народ падает на колени и взывает: «На кого ты нас покидаешь, отец!» Пока пристав отлучается, в народе перебранка, бабы поднимаются с колен, но при возвращении пристава опять опускаются на колени. Показывается думный дьяк Андрей Щелкалов. Он выходит к народу, снимает шапку и отдает поклон. Он сообщает, что Борис непреклонен и, несмотря «на скорбный зов боярской думы и патриарха, и слышать не хочет о троне царском».

(В 1598 году царь Федор умирает. На царский престол два претендента — Борис Годунов и Федор Никитич Романов. Бояре за избрание Годунова. Его «просят» стать царем. Но он отказывается. Этот отказ казался странным. Но Годунов, этот выдающийся политик, понимал, что законность его притязаний сомнительна. Народная молва винила его в смерти царевича Димитрия, младшего брата царя Федора и законного наследника престола. И винила неспроста. «Современные летописцы рассказывали об участии Бориса в этом деле, конечно, по слухам и догадкам, — пишет В.О.Ключевский. — Прямых улик у них, понятно, не было и быть не могло (...) Но в летописных рассказах нет путаницы и противоречий, какими полно донесение углицкой следственной комиссии». Итак, Борису необходимо было, чтобы «всем миром» его молили принять царский венец. И вот он — в определенной мере блефуя — на сей раз отказывается: в принужденном взывании к нему «народа», согнанного и устрашаемого приставом люда, недостает «всеобщего» энтузиазма.)

Сцена освещается красноватым отблеском заходящего солнца. Доносится пение калик переходжих (за сценой): «Слава тебе, Творцу всевышнему, на земле, слава силам твоим небесным и всем угодникам слава на Руси!» Теперь они появляются на сцене, ведомые поводырями. Они раздают народу ладонки и призывают народ идти с иконами Донской и Владимирской Богоматери к «царю во сретенье» (что истолковывается как призыв к избранию Бориса на царство, хотя впрямую они этого не говорят).

Картина 2. «Площадь в Кремле Московском. Прямо перед зрителями, в отдалении, Красное крыльцо царских теремов. Справа, ближе к авансцене, народ на коленях занимает место между Успенским и Архангельским соборами».

Оркестровое вступление рисует шествие бояр в собор под «великий колокольный звон»: им предстоит избрать на царство нового царя. Появляется князь Василий Шуйский. Он объявляет об избрании царем Бориса.

Звучит мощный хор — славословие царю. Торжественное царское шествие из собора. «Приставы ставят народ шпалерами» (сценическая ремарка в партитуре). Однако Борисом овладевает зловещее предчувствие. Звучит первый из его монологов: «Скорбит душа!» Но нет... Никто не должен видеть ни малейшей робости царя. «Теперь поклонимся почиющим властителям Руси», — произносит Борис, и вслед затем весь народ приглашается на царский пир. Под колокольный звон

шествие направляется к Архангельскому собору. Народ ломится к Архангельскому собору; приставы наводят порядок. Сутолока. Борис показывается из Архангельского собора и направляется к теремам. Ликующий звон колоколов. Занавес падает. Конец пролога.

ДЕЙСТВИЕ I

Картина 1. Ночь. Келья в Чудовом монастыре. Старый монах, Пимен, пишет летопись. Молодой монах, Григорий, спит. Слышится пение монахов (за сценой). Григорий просыпается, его мучает проклятый сон, он снится ему вот уже третий раз. Он рассказывает о нем Пимену. Старый монах наставляет Григория: «Смирять себя молитвой и постом». Но Григория манят мирские радости: «Зачем и мне не тешиться в боях? Не пировать за царскою трапезой?» Пимен предается воспоминаниям, он рассказывает, как сидел здесь, в этой келье, сам Иоанн Грозный, «и плакал он...» Дальше — воспоминания о сыне его, царе Федоре, который, по словам Пимена, «царские чертоги преобразил в молитвенную келью». Не ведать нам больше такого царя, ведь мы «владыкою себе цареубийцу нарекли». Григория интересуют подробности дела царевича Дмитрия, каких он был лет, когда его убили. «Он был бы твой ровесник и царствовал» (в некоторых изданиях: «и царствовал б»), — отвечает Пимен.

Звучит колокол. Звонят к заутрене. Пимен уходит. Григорий остается один, в его уме брожение... В голове рождается честолюбивый план.

Картина 2. Корчма на литовской границе. Сюда пришли Варлаам и Мисаил, бродяги-чернецы, к которым присоединился Григорий: его цель — пробраться через границу в Литву, чтобы оттуда бежать в Польшу. Хозяйка приветствует гостей. Затеваются небольшое пиршество, но все мысли Григория — о самозванстве: он намеревается выдать себя за царевича Дмитрия и оспорить трон у Бориса. Варлаам затягивает песню («Как во городе было во Казани»). Тем временем Григорий расспрашивает хозяйку корчмы о дороге через границу. Та объясняет, как пройти, чтобы избежать приставов, которые теперь всех задерживают и осматривают, поскольку ищут кого-то, кто бежал из Москвы.

В этот момент раздается стук в дверь — являются приставы. Они всматриваются в Варлаама. Один из приставов достает царский указ. В нем говорится о побеге из Москвы некоего Григория из рода Отрепьевых, монаха-чернеца, которого требуется изловить. Но Варлаам читать не умеет. Тогда прочитать указ вызывается Григорий. Он читает и... вместо примет, обличающих его самого, вслух произносит приметы Варлаама. Варлаам, чувствуя, что дело плохо, выхватывает у него указ и, с трудом разбирая буквы, сам начинает читать по складам и тогда догадывается, что речь идет о Гришке. В этот момент Григорий угрожающе замахивается ножом и выскакивает в окно. Все с криками: «Держи его!» — кидаются за ним.

ДЕЙСТВИЕ II

Внутренние покои царского терема в Московском Кремле. Пышная обстановка. Ксения плачет над портретом жениха. Царевич занят «книгою большого чертежа». Мамка за рукодельем. Борис утешает царевну. Ни в семье, ни в государственных делах нет ему удачи. На сказку мамки («Песня про комара») отвечает сказочкой царевич Федор («Сказочка про то и про сё, как курочка бычка родила, поросеночек яичко снес»).

Царь ласково спрашивает Федора о его занятиях. Тот рассматривает карту — «чертеж земли Московской». Борис одобряет этот интерес, но вид его царства наводит его на тяжкие думы. Звучит потрясающая по силе выражения и драматизма ария Бориса (с речитативом: «Достиг я высшей власти...»). Бориса мучают угрызения совести, его преследует образ зарезанного царевича Дмитрия.

Входит ближний боярин и сообщает, что Борису «князь Василий Шуйский челом бьет». Явившийся Шуйский рассказывает Борису о том, что в Литве объявился самозванец, который выдает себя за царевича Дмитрия. Борис в величайшем волнении. Хватая Шуйского за ворот, он требует, чтобы тот рассказал ему всю правду о смерти Дмитрия. В противном случае он придумает ему, Шуйскому, такую казнь, что «царь Иван от ужаса во гробе содрогнется». На это требование Шуйский пускается в такое описание картины убиения младенца, от которого кровь стынет в жилах. Борис не выдерживает; он приказывает Шуйскому удалиться.

Борис один. Следует сцена, названная в партитуре «Часы с курантами» — потрясающий монолог Бориса «Ежели в тебя пятно единое...» Мерный бой курантов, словно рок, усиливает гнетущую атмосферу. Борис не знает, куда деться от преследующих его галлюцинаций: «Вон... вон там... что это?.. там в углу?..» Обессиленный, он взывает к Господу: «Господи! Ты не хочешь смерти грешника; помилуй душу преступного царя Бориса!»

ДЕЙСТВИЕ III (ПОЛЬСКОЕ)

Картина 1. Уборная Марины Мнишек в Сандомирском замке. Марина, дочь сандомирского воеводы, сидит за туалетом. Девушки развлекают ее песнями. Звучит изящно-грациозный хор «На Висле лазурной». Честолюбивая полька, мечтающая занять московский престол, хочет пленить Самозванца. Об этом она поет в арии «Скучно Марине». Появляется Рангони. Этот католический монах-иезуит требует от Марины того же — чтобы она обольстила Самозванца. И это она обязана сделать в интересах католической церкви.

Картина 2. Луна освещает сад сандомирского воеводы. Беглый монах Григорий, теперь уже претендент на московский престол — Самозванец, — поджидает у фонтана Марину. Романтически взволнованы мелодии его любовного признания («В полночь, в саду, у фонтана»). Из-за угла замка, оглядываясь, крадется Рангони. Он сообщает Самозванцу, что Марина любит его. Самозванец ликует, слыша передаваемые ему слова ее любви. Он намерен бежать к ней. Рангони останавливает его и велит скрыться, дабы не погубить себя и Марину. Самозванец скрывается за дверями.

Из замка выходит толпа гостей. Звучит польский танец (полонез). Марина проходит под руку со старым паном. Хор поет, провозглашая уверенность в победе над Москвой, во взятии в плен Бориса. По окончании танца Марина и гости удаляются в замок.

Самозванец один. Он сокрушается, что лишь украдкой и мельком успел взглянуть на Марину. Его обуревают чувство ревности к старому пану, с которым он видел Марину. «Нет, к черту все! — восклицает он. — Скорее в бранные доспехи!» Входит Марина. Она с досадой и нетерпением выслушивает любовное признание Самозванца. Оно ее не волнует, и не для этого она пришла. Она с циничной откровенностью спрашивает его, когда же наконец он будет царем на Москве. На сей раз даже он опешил: «Ужели власть, сияние престола, холопов подлых рой, их гнусные доносы в тебе могли бы заглушить святую жажду любви взаимной?» Марина ведет с Самозванцем весьма циничный разговор. В конце концов Самозванец вознегодовал: «Лжешь, гордая полячка! Царевич я!» И он предрекает, что посмеется над нею, когда царем он сядет. Ее расчет оправдался: своим цинизмом, хитростью и лаской она разожгла в нем огонь любви. Они сливаются в страстном любовном дуэте.

Появляется Рангони и наблюдает за Самозванцем и Мариной издали. За сценой раздаются голоса пирующих панов.

ДЕЙСТВИЕ IV

Картина 1.

Лесная прогалина под селением Кромы. Справа спуск и за ним стена города. От спуска через сцену — дорога. Прямо — лесная чаща. У самого спуска — большой пень.

Ширится крестьянское восстание. Здесь, под Кромами, толпа бродяг, схватившая боярина Хрущева, воеводу Бориса, глумится над ним: она обступила его, связанного и посаженного на пень, и поет ему издевательски, насмешливо и грозно: «Не сокол летит по поднебесью» (на мелодию подлинно русской народной величальной песни).

Входит юродивый, окруженный мальчишками. (В постановках оперы, включающих так называемую вставную сцену «Площадь перед собором Василия Блаженного», этот эпизод переносится в нее, где он драматургически несравненно богаче и эмоционально сильнее, несмотря на то что сам Мусоргский партитuru этого эпизода оттуда изъясил и поместил в сцену под Кромами.)

Появляются Варлаам и Мисаил. Рассказывая о пытках и казнях на Руси, они подстрекают взбунтовавшийся народ. За сценой слышны голоса Лавицкого и Черниковского, монахов-иезуитов. Когда они выходят на сцену, народ хватает их и вяжет. Оставшиеся на сцене бродяги прислушиваются. До их слуха доносится шум надвигающегося войска Самозванца. Мисаил и

Варлаам — на сей раз по иронии судьбы — славят Самозванца (по-видимому, не признавая в нем беглого московского монаха Гришку Отрепьева, бежавшего некогда из корчмы на литовской границе): «Слава тебе, царевичу, Богом спасенному, слава тебе, царевичу, Богом укрытому!» Верхом на коне въезжает Самозванец. Боярин Хрущов, в оторопи, славит «сына Иоаннова» и кланяется ему в пояс. Самозванец призывает: «За нами вслед на славный бой! На родину святую, в Москву, в Кремль, златоверхий Кремль!» За сценой раздаются удары набатного колокола. Толпа (в которой также и оба монаха-иезуита) идет за Самозванцем. Сцена пустеет. Появляется юродивый (это в том случае, если этот персонаж не перенесен во вставную сцену — Площадь перед собором Василия Блаженного); он предсказывает скорый приход врага, горе горькое Руси.

Картина 2. Грановитая палата в Московском Кремле. По бокам скамьи. Направо выход на Красное крыльцо; налево—в терем. Справа, ближе к рампе, — стол с письменными принадлежностями.

Левее - царское место. Чрезвычайное заседание Боярской думы. Все взволнованы вестью о Самозванце. Бояре, полуграмотные, по-дурацки обсуждают дело и постановляют казнить злодея. Кто-то резонно замечает, что сначала-то его надо изловить. В конце концов сходятся на том, что «жаль, Шуйского нет князя. Хоть и крамольник, а без него, кажись, неладно вышло мнение».

Появляется Шуйский. Он рассказывает, в каком плачевном состоянии находится теперь Борис, которого преследует призрак царевича Димитрия. Неожиданно перед взорами бояр предстает сам царь. Муки Бориса достигают предела; он никого не замечает и в бреду сам себя уверяет:

«Убийцы нет! Жив, жив малютка!..» (Но в таком случае — все это понимают — Самозванец не самозванец, не Лжедмитрий, а Димитрий, законный царь.) Борис приходит в себя. Тогда Шуйский приводит к нему старца Пимена. Борис надеется, что беседа с ним успокоит его измученную душу.

Пимен входит и останавливается, пристально глядя на Бориса. Его рассказ — о чудесном исцелении слепого старца, который услышал голос детский: «Знай, дедушка, Димитрий я, царевич; Господь принял меня в лик ангелов своих, и я теперь Руси великий чудотворец...», и «...в дальний путь поплелся...» (Царевич Димитрий канонизирован православной церковью — его тело при вскрытии гроба было найдено нетленным; установлены три празднества в его память: в дни его рождения (19 октября 1581), смерти (15 мая 1591) и перенесения мощей (3 июня 1606).)

Борис не может вынести этого рассказа — он падает без чувств на руки бояра. Бояре сажают его, он приходит в себя и тогда призывает царевича Федора. Одни бояре бегут за царевичем, другие — в Чудов монастырь. Вбегает царевич Федор. Умиравший Борис прощается с царевичем и дает ему последние наставления: «Прощай, мой сын! Умираю. Сейчас ты царствовать начнешь». Он прижимает к себе сына и целует его. Слышен протяжный удар колокола и погребальный звон. Входят бояре и певчие. Борис вскакивает и грозно восклицает: «Повремените: я царь еще!» Затем боярам, указывая на сына: «Вот царь ваш... царь... простите...» *Fermata lunga* (итал. — долгая фермата [остановка]). Царь Борис мертв. Занавес падает.

Нам остается рассказать о так называемой вставной сцене «Площадь перед собором Василия Блаженного».

Площадь перед собором Василия Блаженного в Москве. На сцене толпы обнищавшего народа. В толпе часто мелькают приставы. Оркестровое вступление передает настроение ожидания и настороженности. Входит кучка мужчин от собора; среди них Митюха. В народе возгласы (Митюха), что на обедне проклинали Гришку Отрепьева, а царевичу пели вечную память. У народа это вызывает недоумение: вечную память петь живому (ведь Димитрий, то есть Лжедмитрий, уже совсем близко)!

На сцену вбегает юродивый в веригах, за ним толпа мальчишек. Они дразнят его. Он садится на камень, штопает лапоть и поет, покачиваясь. Он хвастается имеющейся у него копеечкой; мальчишки вырывают ее у него. Он плачет. Из собора начинается царское шествие; бояре раздают милостыню. Показывается Борис, за ним Шуйский и другие бояре. К Борису обращается юродивый и говорит, что его обидели мальчишки, и он просит Бориса, чтобы тот велел их наказать: «Вели-ка их зарезать, как ты зарезал маленького царевича». Шуйский намеревается наказать юродивого. Но Борис останавливает его и просит юродивого молиться за него, Бориса. Но юродивый отказывается: «Нет, Борис! Нельзя, нельзя, Борис! Нельзя молиться за царя Ирода!» Народ в ужасе расходится. Юродивый поет: «Лейтесь, лейтесь, слезы горькие».